

Автор: Понорницкая Илга (Басова Евгения Владимировна)

Книга: Внутри что-то есть

Рассказ: Не обижайся на нас, водород!

– Узнаете? – Она тычет указкой в химический знак на доске. – Это же барий! Давненько не было тебя в наших задачках. Не попадался... Ну здравствуй, барий!

Она произносит «барий» как будто «барин», и она шутовски кланяется доске – с третьей парты я слышу хруст. И после двумя руками она помогает себе разогнуться. И она приглашающе улыбается нам, зовет всех вместе порадоваться.

Ольга Фроловна – прекрасный педагог. Так нам сказала Анна Юрьевна, директор школы, на общей линейке для восьмиклассников. Ольга Фроловна работает в школе много лет. Она могла бы учить кого-то из наших родителей. Она учила детей и тогда, когда наши родители еще не родились на свет.

– Кудрявцев! – звонко выкрикивает Ольга Фроловна.

В классе у нас нет Кудрявцевых. Встает Ваня Носов – мальчик с круглой упругой шевелюрой, почти африканской, только огненно-рыжей. Мы зовем его «золотое руно». Ваня грустно улыбается химичке: мол, и вы туда же, дразнить меня? Ладно уж, мне не привыкать.

– Я сказала: «Кудрявцев»!

Мы смотрим за направлением ее взгляда. Паша Лапин, маленький незаметный мальчик с прилизанными волосиками, избран ею на роль Кудрявцева. Кудрявцев – это парень, который учился у нее не то сорок лет назад, не то еще больше. И Паша на того Кудрявцева похож.

По замыслу Ольги Фроловны мы все должны участвовать в большом спектакле. Мы играем один из тех классов, которые она выучила когда-то, выпустила, вывела в люди. Многие из ее выпускников работают на химических предприятиях. Наша директор говорит, что Ольга Фроловна – отличный предметник. Что ей самой до нее далеко. Директор тоже химичка. Учителей химии много. Но таких, как Ольга Фроловна, больше нет.

Она общается с химическими знаками больше, чем с кем бы то ни было. Она вглядывается в таблицу Менделеева так ласково, точно сейчас все знаки попрыгают к ней на ладонь, станут что-то с ее ладони клевать... Потом она вспоминает о Пашиной писанине. Всплескивает руками.

– Ух ты, водород забыли вписать! Здесь еще выделяется водород. Не обижайся на нас, водород! Вот мы сейчас за тебя Кудрявцеву «двоечку»... Кудрявцев! Найди-ка себя в журнале.

Все выглядит так, точно она плохо видит и не может отыскать Пашину фамилию. Это бывает у пожилых людей. Мы должны уважать возраст Ольги Фроловны. И мы должны быть добрыми детьми.

Добрый Лапин помогает поставить себе «пару», она сажает его, и снова начинается привычное:

– Эх, молодые! Неужто памяти нет? Не можете запомнить, как я вас зову? Что легче – вам по одной фамилии заучить или мне – все ваши сорок?

Она не сомневается, что рано или поздно мы все привыкнем к чужим фамилиям. Что мы так и мечтаем к ним привыкнуть. Но я не шевелюсь, даже когда она в сотый раз повторяет: «Маклакова!» – и смотрит прямо в мои глаза. «Катка! Юрова! Маклакова – это же ты!» – кричат мне шепотом со всех сторон. Но не шевелюсь даже тогда, когда она отправляет эту свою Маклакову из класса вон. Теперь все поворачивается ко мне. Я не знаю, что со мной, но я до стука в висках, до сумасшествия не хочу быть этой ее Маклаковой, которую ни разу не видела и Ольге Фроловне приходится тащить меня к дверям самой, вцепившись в мои локти двумя руками. Сила у нее та еще. В годы войны она рыла такие

глубокие длинные канавы... Не помню точно, зачем. Наши мальчишки кричат: «Вы не имеете права!», кто-то свистит. Я просиживаю на подоконнике до перемены, а через урок или через два Ольга Фроловна решает уже, что этого недостаточно – и тащит Маклакову к директору. На ходу она рассказывает мне о тысячах детей, которых она воспитала и сделал людьми. Кто-то из них тоже пытался нарушать порядок. Но не тут-то было.

Я никогда не была у Анны Юрьевны. Наши самые отчаянные школьные головушки приходят от нее, точно взмыленные, и тихо вытирают слезки. Ольга Фроловна вталкивает меня в кабинет, Анна Юрьевна выталкивает обратно – ждать там, где сидит секретарша. Потом директорша под ручку выводит Ольгу Фроловну в коридор и говорит там с ней тихо, ласково. Слов не слышно. Я закрываю глаза, точно это меня утешают. В коридоре раздаются громкие неровные шаги. Так уходит наша химичка. Не скажешь, что с виду она вся высохшая и легкая. Анна Юрьевна возвращается назад, заводит меня к себе. Проходит по кабинету, останавливается у окна. Делает такое движение рукой, точно защищается от меня. Точно это ее тащили ко мне по коридору, схватив за локоть.

Я не сразу понимаю, что она говорит.

– Вы слишком много хотите от меня. Я не могу уволить Ольгу Фроловну. Она в этой жизни только за школу и держится. Подумай, что с ней будет, если она уйдет?

Анна Юрьевна садится на стул.

– Надо быть добрыми детьми... И в конце концов, Ольга Фроловна – сильный предметник. Я знаю, я сама у нее училась. У ее уроков душа есть. – Она смотрит на меня почти жалобно. Ей надо, чтоб я согласилась с ней. – Это же не могло так просто уйти с годами – душа?

Уже был звонок. И несколько ребят ждут меня в коридоре. Они кидаются ко мне:

– Влетело? На тебе лица нет! Держись. Мы теперь химичке все вместе такое устроим ...Это несправедливо, что ты страдаешь за всех одна!

И мне становится вдруг странно: до чего они хотят, чтобы все шло по справедливости! Точь-в-точь как я – десять минут назад.

Все тексты взяты из открытых источников и выложены на сайте для не коммерческого использования.
Все права на тексты принадлежат только их правообладателям.